

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.26

А.М. Илюшин

**РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК КУЗНЕЦКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2008 ГОДУ**

Летом и осенью 2008 года Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета проводила аварийные раскопки и археологические разведки на территории Кемеровской области. В настоящей статье описываются и анализируются результаты аварийных раскопок, которые были проведены на курганной группе Мусохраново-1 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области [18].

Археологический памятник «курганная группа Мусохраново-1» расположен в 0,4 км на В от с. Мусохраново на первой надпойменной террасе левого берега р. Касьма (рис. 1; 2). Памятник был открыт в 1958 году А.И. Мартыновым [24, с. 72] и обследован в 1988 году М.Г. Сулейменовым [37, с. 3-4], а также в 1991, 1992, 1995 и 2008 гг. А.М. Илюшиным [8; 9; 11, с. 58-60; 20, с. 9-10; 18].

Первоначально курганная группа состояла из семи сильно задернованных земляных насыпей округлой и овальной формы вытянутых цепочкой с ЮЮВ на ССЗ. В 1993 г. были проведены аварийные раскопки курганов №№ 1 и 2. В раскопанных курганах были исследованы семь могил, которые, как и памятник в целом, предварительно были датированы в пределах XI–XII–XIII вв. [11, с. 60; 17, с. 38].

Площадь памятника составляет 4,6 га и используется в настоящее время в северной части для сенокоса, а в южной части – для выпаса скота. Состояние памятника можно охарактеризовать как аварийное. Южная часть территории памятника находится в муниципальной собственности (курганы за №№ 3, 5-7), а северная часть территории памятника (курганы за №№ 1, 2 и 4) в собственности ООО колхоз «Заря» (рис. 2).

В 2008 г. были проведены раскопки одного кургана за №3, который и частично был разрушен при прокладке грунтовой дороги (рис. 1; 2). Раскопки проводились по общепринятой методике с учетом современного состояния и особенностей исследуемого объекта.

Первоначально осуществлялась разметка раскопа и нивелирование его поверхности. За нулевой уровень бралась самая высокая точка сохранившейся курганной насыпи (эти данные действо-

вали на всем протяжении раскопок объекта). Затем по слоям (величина 25 см) разбирались южная часть курганной насыпи и площадь раскопа. В последующем корректировалась разметка всего раскопа, проводилась зачистка разреза курганной насыпи и материка в южной части раскопа. После этого по слоям (величина 25 см) последовательно разбирались северная часть курганной насыпи и зачищалась соответствующая часть раскопа. Затем осуществлялась зачистка выявленных сооружений и конструкций и материка на всей площади раскопа. Все стадии раскопок, выявленные конструкции и сооружения, а также артефакты в процессе их исследования фиксировались на чертежах, схемах и фото.

Приводим описание раскопанного кургана.

Курган №3 располагался в центральной части памятника (рис. 2). Внешне это округлая земляная, сильно задернованная насыпь диаметром 13 м и высотой 0,53 м, северная полая которой была срезана лезвием бульдозера при прокладке грунтовой дороги. Насыпь кургана на 0,92 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дёрна 0,22-0,25 м, чернозёма 0,12-0,45 м и серого суглинка (погребённой почвы) 0,07-0,15 м.

В процессе раскопок насыпи и зачистки бровки в центральной части кургана на глубине 0,26-0,92 м была зафиксирована линза из прокаленного грунта (суглинок и чернозем) красного цвета и единичных мелких древесных углей. Линза прокала имела овальную форму размерами 8,61 x 6,78 м и была ориентирована длинной осью по линии ЮЮЗ-ССВ. В центральной части насыпи в прокале на глубине 0,45-0,51 м были зафиксированы остатки деревянного (соснового) сруба четырехугольной формы размерами 5,97 x 5,25 м, который был ориентирован стенками по сторонам света с небольшим смещением, а длинной осью по линии Ю-С.

Северная стенка сруба сохранилась в трех фрагментах обгоревших бревен длиной 3,82 м, 2,03 м, 0,7 м и диаметром 0,23 м, 0,2 м, 0,17 м. Западная стенка сохранилась в трех фрагментах обгоревших бревен длиной 0,72 м, 1,03 м, 0,45 м и диаметром 0,15 м, 0,21 м, 0,18 м. Южная стенка сохранилась в одном фрагменте обгоревшего

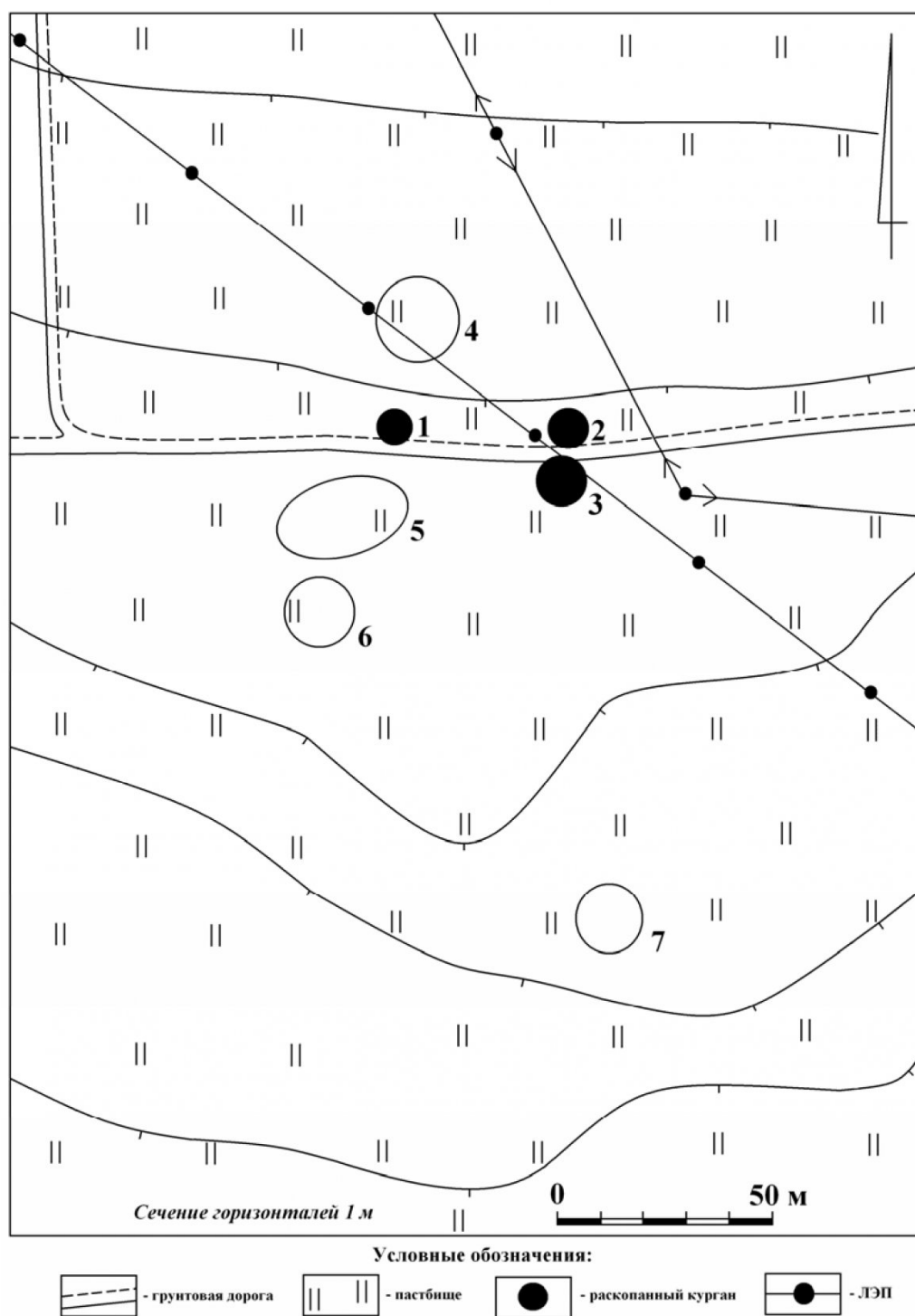
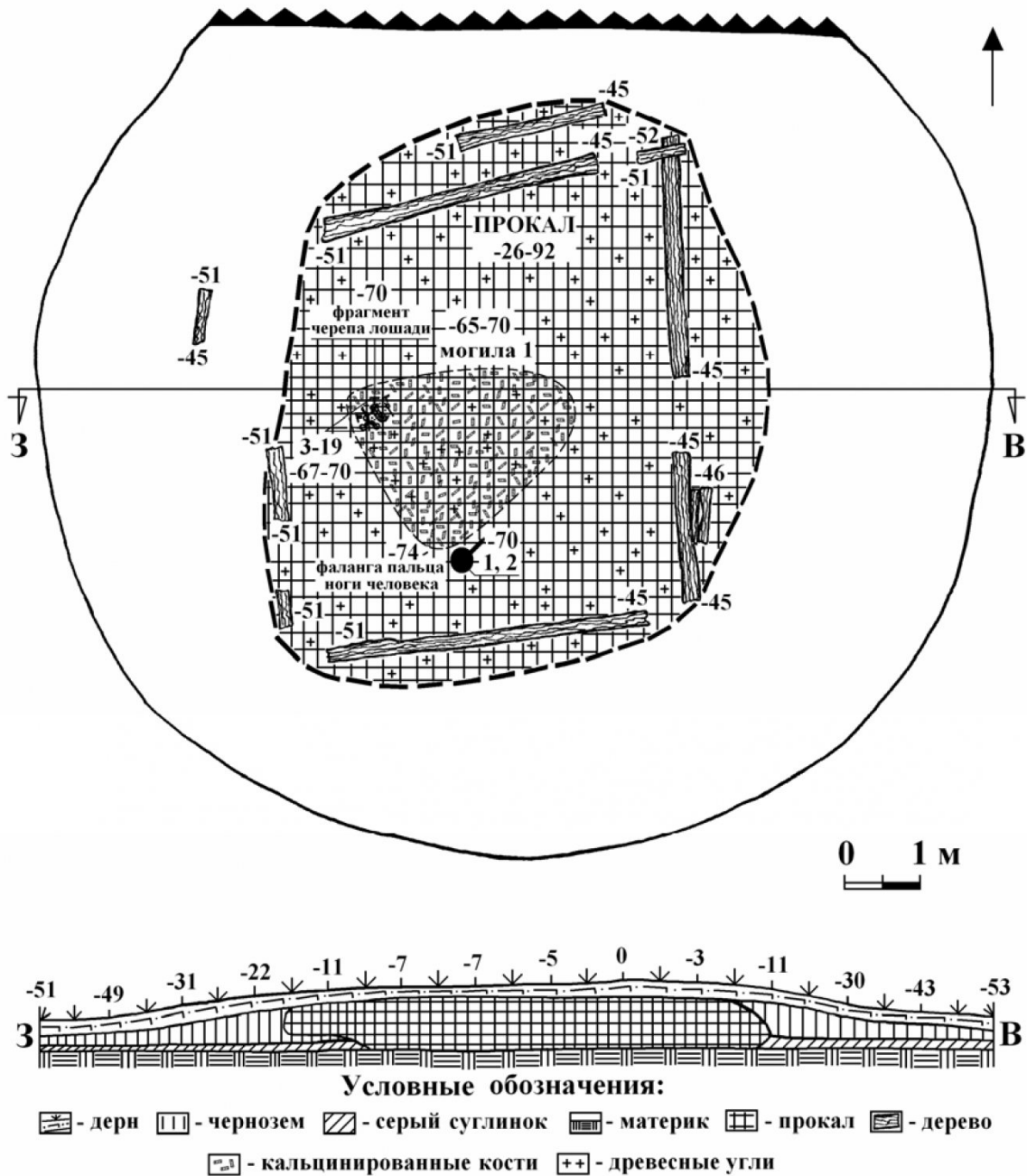

Рис. 2. План-схема курганной группы Мусохраново-1

в месте крепления рубились с двух сторон пазы и бревна соединялись между собой этими пазами [28, рис. 69, 4]. В восточной стенке сруба имелся проход шириной 1 м. На всех бревнах сруба зафиксированы следы огня, который стал причиной его сильного разрушения. Это обстоятельство, как и наличие мощного прокала позволяет предполагать, что насыпь кургана, была сооружена во время горения сруба. В насыпи кургана была зафиксирована одна могила. Приводим её описание.

Могила 1 – наземная, овальной формы, расположена в центре сруба, на глубине 0,65-0,70 м. Размеры могилы – 2,78 × 2,43 м, длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ. По всей площади могилы зафиксированы сильно кальцинированные кости человека и лошади. В ЮЗ части могилы на глубине 0,74 м в норке сурка была выявлена фаланга пальца ноги человека, рядом с которой на глубине 0,7 м были найдены железная сковорода и фрагмент бронзового зеркала, которое

Находки:

1 – сковорода, 2 – фрагмент зеркала, 3 – удила с псалями, 4-7,10-19 – бляхи, 8,9 - пряжки; 1,3 – железо, 2,4-19 – бронза

Рис. 3. Курганная группа Мусохраново-1. План и профиль насыпи кургана №3

располагалось под днищем сковороды, и было покрыто материей сгоревшей в пламени огня. В СЗ части могилы на глубине 0,70 м были найдены сильно обгоревшие фрагменты черепа лошади (конечные части нижней и верхней челюстей). В передних зубах лошади были найдены фрагменты железных удил с псалями, а рядом с остатками костей черепа лошади на глубине 0,67-0,7 м были найдены две бронзовые пряжки и четырнадцать различных форм бляшек, украшенные рельефным

орнаментом. При разборке и зачистке могилы по всей площади встречались следы прогоревшего железа и бронзы в виде шлаков разной формы и величины, которые вместе с суглинком зачастую представляли собой единую кирпичную массу.

Выявленные артефакты позволяют предполагать, что в наземной могиле, которая углублена в древнюю дневную поверхность на 0,16-0,20 м, были погребены всадник и лошадь. Человек лежал в южной части могилы и был ориентирован голо-

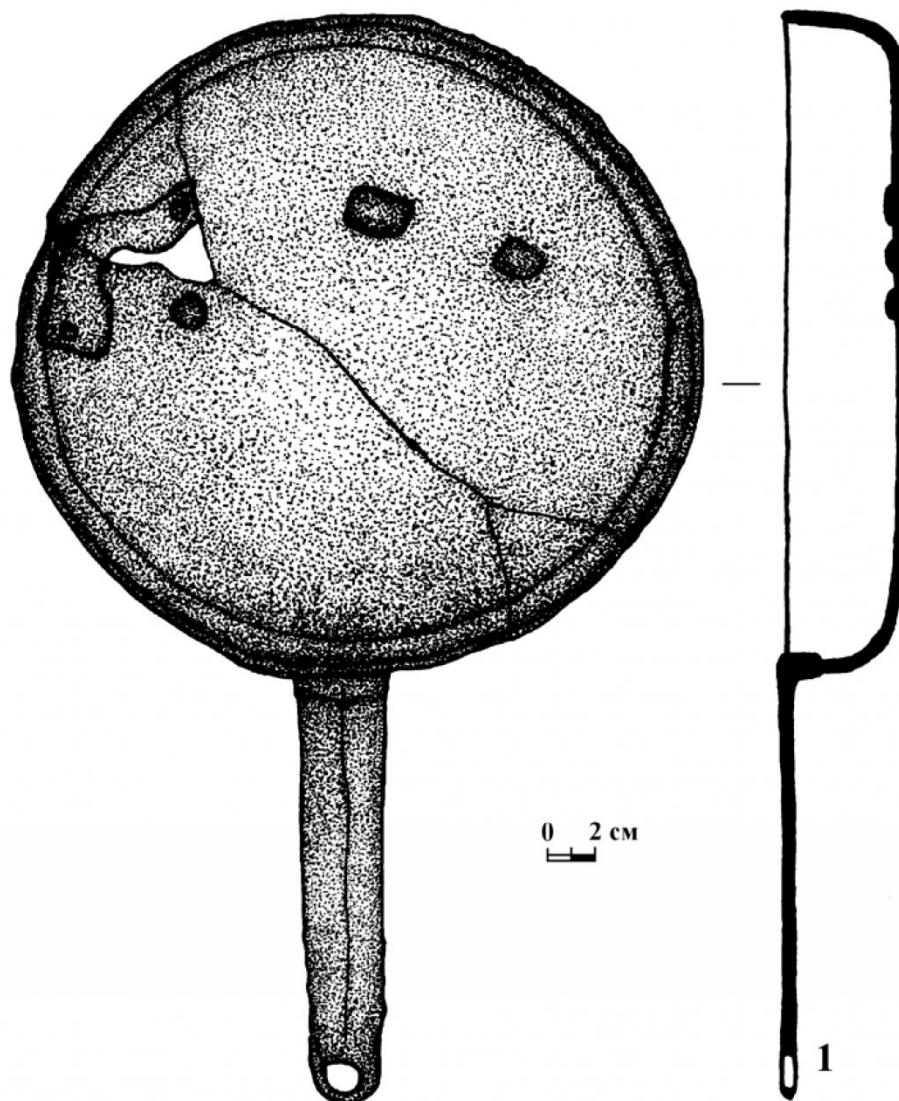

Рис. 4. Курганная группа Мусохраново-1. Курган №3.
Находки: 1 – сковорода; 1 – железо

вой на СВ, а лошадь была уложена в северной части могилы и была ориентирована головой на ЮЗ. По сохранившимся останкам можно констатировать, что захоронение всадника с лошадью было совершено по обряду сожжения (или трупобожения !?) на месте погребения и было засыпано грунтом в процессе горения погребального костра.

После разборки могилы была проведена зачистка всей площади раскопа на уровне материка. В процессе этой работы каких-либо других конструкций и артефактов обнаружено не было. После завершения полевых исследований площадь раскопа была засыпана вынутым грунтом.

В результате аварийных раскопок кургана №3 на погребальном памятнике курганная группа Мусохраново-1 в 2008 г. были получены материалы, которые позволяют сделать ряд интересных наблюдений и выводов относительно изучения этого

памятника, а также элементов погребального обряда, артефактов материальной и духовной культуры и мировоззрения средневекового населения Кузнецкой котловины.

Зафиксированный при раскопках кургана №3 деревянный сруб (рис. 3), сооруженный для погребения всадника и лошади, ассоциируется с жилищем в потустороннем мире. По своей конструкции оно могло повторять жилище, используемое в повседневной практике населением, которое совершило это погребение, что подтверждается археологическими и этнографическими материалами. Известно, что деревянные срубные постройки с самонесущими стенами в форме четырехугольной призмы с различным оформлением крыши, как наземные, так и углубленные в нее, использовались в качестве круглогодичных, стационарных жилищ у коренных малочисленных тюркоязычных народов Кузнецкой котловины шорцев и те-

леутов [28, с. 34, 76-78; 36, с. 112-113, 120; 39, с. 113-116; и др.]. Подобные средневековые жилища на территории Кузнецкой котловины известны по раскопкам Э.У. Эрдниева, Ю.В. Ширина, А.М. Илюшина [15, с. 26-27; 40, с. 65-66; 41, с. 32; 42, с. 14; 43, с. 36-43]. Однако вопрос о времени появления жилищ подобной конструкции на территории Западной Сибири и Кузнецкой котловины

остается открытым. На основе сравнительного анализа археологических и этнографических материалов З.П. Соколова высказала предположение, что срубную технику в изготовление жилища обские угры и сибирские татары заимствовали с запада (Приуралья, Прикамья) не ранее рубежа II тыс. н.э. [35, с. 101-104]. Однако современные данные по археологии лесостепного Алтая свиде-

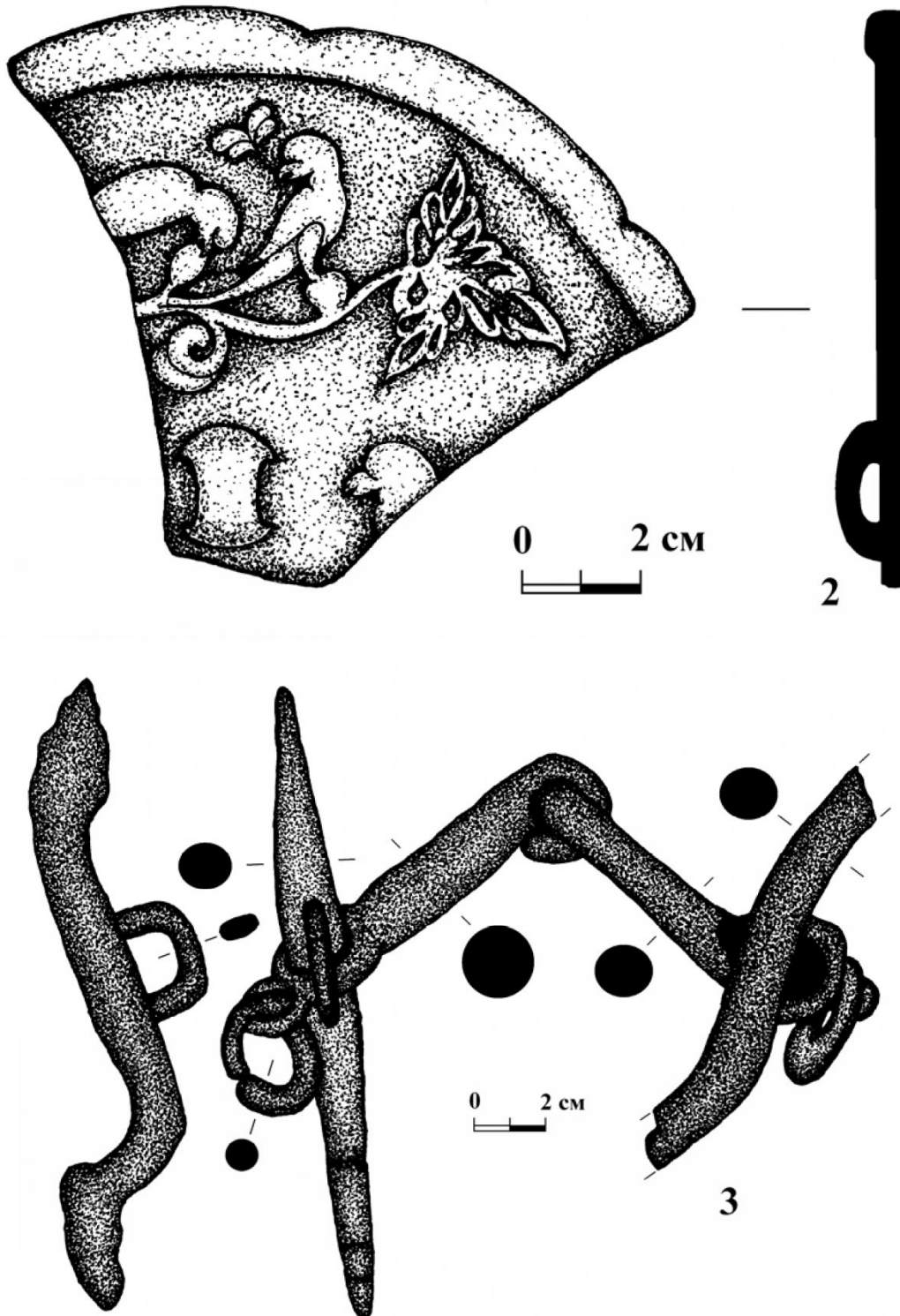

Рис. 5. Курганная группа Мусохраново-1. Курган №3. Находки: 1 – фрагмент зеркала, 2 – удила с псалиями; 1 – бронза, 2 – железо

тельствуют, что срубные жилища с самонесущими стенами в этом регионе Западной Сибири имели место уже в начале I тыс. н.э. [1, с. 303-306]. Последнее позволяет предполагать, наличие срубной техники изготовления жилых и хозяйственных построек на территории юга Западной Сибири начиная с раннего железного века. К этой же эпохе восходит традиция сооружения массивных погребальных срубов, которые известны в древно-

стях пазырыкской, тагарской и таштыкской археологических культур [4; 31; 32, с. 195-198; 34; и др.].

Первые погребения по обряду сожжения как способ приобщения к другим мирам на территории Сибири появились еще в эпоху энеолита и доживают у коренных народов этого региона до настоящего времени [23, с. 158]. На территории Кузнецкой котловины традиция использования

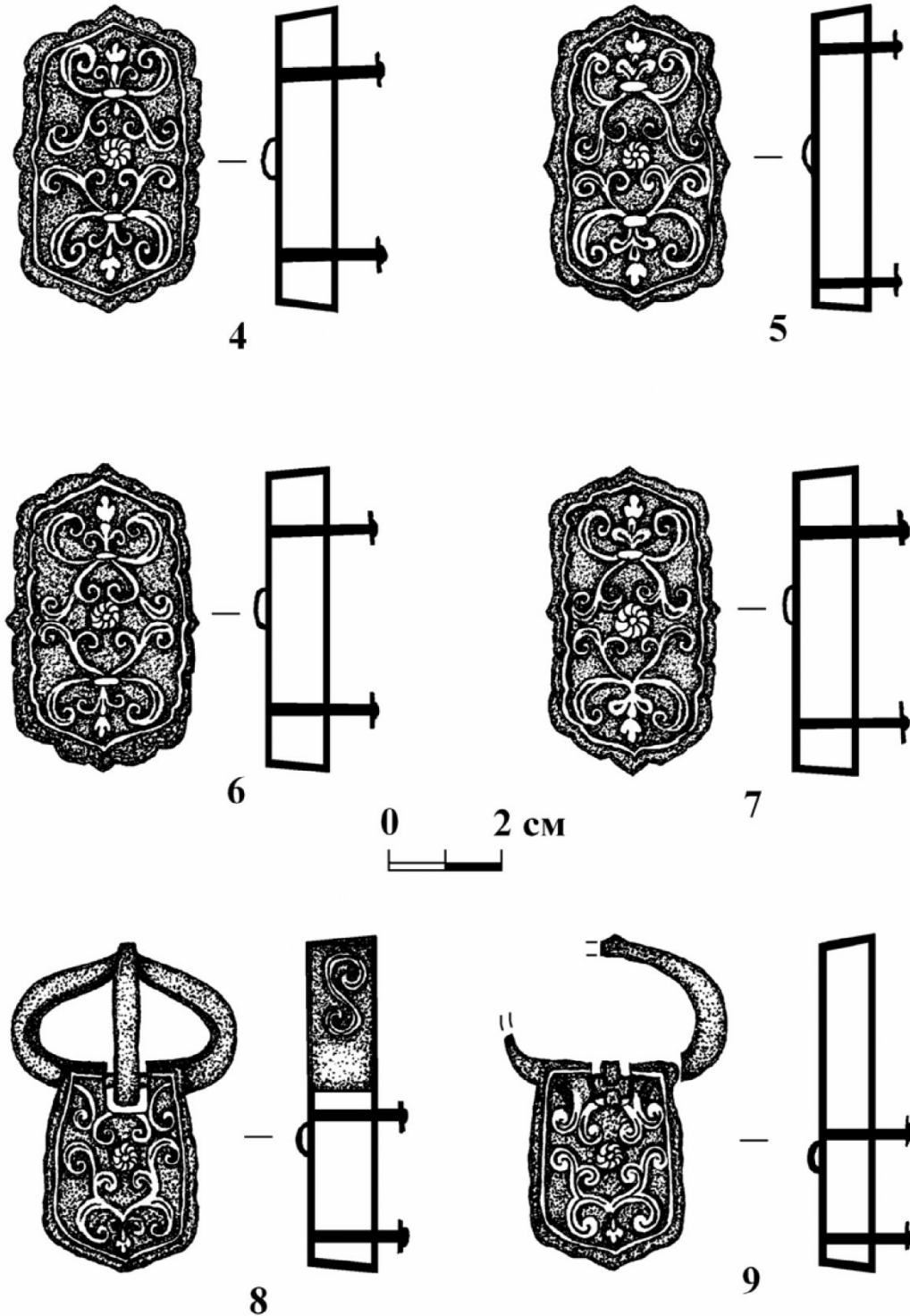

Рис. 6. Курганная группа Мусохраново-1. Курган №3.
Находки: 4-7 – бляхи, 8,9 – пряжки; 4-9 – бронза

огня при захоронении появилась в эпоху развитой бронзы у носителей андроновской (федоровской) археологической культуры [6, с. 89-95] и существовала у других групп населения этого региона вплоть до новейшего времени. На это указывают описанные факты захоронения шорцами родственников по обряду кремации на стороне [5, с. 107]. Об этом же свидетельствует информация о том, что шорцы рассматривали огонь и дым как обереги от злого духа – узюта, двойника покойного, который после погребения находил "я определенное время на кладбище, а затем отправлялся по дороге мертвых [25, с. 343]. Сожжение в погребальных и жертвенных ритуалах у многих народов мира было призвано выполнять две взаимосвязанные роли: во-первых, оно было способом разобщения темной и светлой субстанций; во-вторых, являлось приемом транспортировки их в иные миры. По сибирским языческим верованиям внутри человека сочетались две противоположные сущности (темная и светлая), поэтому во время погребального костра, часть дыма обычно оседала вниз, а другая часть уносилась вверх на небо, в чем и проявлялся механизм разобщения и транспортировки темной и светлой субстанций [23, с. 158-160].

Совокупность изложенных данных позволяет объяснить и реконструировать отдельные элементы погребального обряда зафиксированного нами при раскопках кургана №3 на курганной группе Мусохраново-1. В частности, для погребения всадника с лошастью было сооружено наземное срубное сооружение, имитирующее жилище в 3-4 венца с входом в восточной стороне которое, вероятно, имело крышу из дерева и бересты. После расположения в погребальном доме трупа всадника и туши лошади, взгляды которых были ориентированы на запад в сторону заходящего солнца, куда им предстояло проделать последний путь, крыша поджигалась. Вероятно, после обрушения крыши и прогорания останков, погребальный костер начинали засыпать землей, тем самым как бы разделяя две субстанции – светлую и темную. Первая вместе с дымом и языками пламени уносилась на небо, а вторая вместе с низким дымом, останками сожжения оказывалась покрытой землей и уходила в темный мир.

Этот смысл обряда трупосожжения очень хорошо раскрывают похоронные гимны Ригvedы. К возносимой на небо светлой бессмертной душе арийский жрец, ведающий погребальным костром, обращается так:

*Соединись с отцами, соединишь с Ямой,
С жертвоприношениями и добрыми деяниями
на высшем небе!*

*Оставь (все) греховное, снова возвращайся
домой!*

Соединись с телом в цветущем состоянии!

После совершения акта трупосожжения, древние арии собирали обугленные останки человека

(темную душу) и зарывали их в землю со следующими восклицаниями:

Расступись земля!

Не дави его!

Укрой его краем своей одежды,

Как мать (укрывает) своего сына.

Растворяясь, будь твердой, о Земля!

Да будет ему здесь убежище во веки веков!

[23, с. 158-159; 33, с. 199, 203].

Сожжения всадника и лошади на месте погребения и сооружения курганной насыпи в процессе горения на территории Кузнецкой котловины сконцентрированы в долине среднего течения р. Касьма, левого притока р. Иня. Они известны на таких памятниках как Мусохраново-3, Торопово-1 и Шабаново-3 [13; 16, с. 54-78; 21, с. 79-106] максимальное удаление которых друг от друга не превышает 15 км. Наличие деревянного четырехугольного сруба сближает исследованный курган с курганной группой Шабаново-3, при раскопках которой в насыпях курганов зафиксированы аналогичные конструкции из обгоревших бревен [16, с. 54-78]. Все эти памятники датированы в пределах конца XII-XIII-XIV вв. Это позволяет высказать предположение о проживании на этой компактной территории в монгольский период истории этнографической группы, у которой этот обряд был традиционным. Трупосожжения на месте погребения без туши коня известны также на двух других памятниках Сапогово-1 и Ур-Бедари-1 [17, с. 105; 19, с. 66], датируемых тем же временем. Это позволило нам ранее сделать вывод о том, что погребенные по обряду трупосожжения на месте погребения с тушей или шкурой лошади на территории Кузнецкой котловины представляют собой устойчивый археолого-этнографический комплекс (АЭК) XIII-XIV вв. и дать его обобщенное описание на уровне классифицированных артефактов [14, с. 5-9; 17, с. 105-108].

Наряду с вышеописанными и проанализированными элементами погребального обряда, в раскопанном кургане найдены предметы материальной и духовной культуры, позволяющие дополнить коллекцию артефактов ранее выделенного АЭК. Среди находок необходимо указать на уникальность таких артефактов, как железная сковорода и бронзовое зеркало, которые были найдены вместе (рис. 3; 4, 1; 5, 2). Такие предметы материальной культуры средневекового населения Кузнецкой котловины ранее не были известны. Железная неоднократно отремонтированная сковорода при помощи накладок из железных пластин и клепок, которые хорошо фиксируются на её корпусе (рис. 4, 1) не имеет аналогий и на сопредельных территориях. Не известны нам аналогии и бронзовому зеркалу (рис. 5, 2). Можно указать лишь на то, что рисунок орнамента зеркала представляет собой изображения птиц сидящих на ветви растения. Такой сюжет широко распространен на китайских свадебных зеркалах эпохи Тан, а на

территории Южной Сибири такой сюжет имел место в период Тюркских каганатов и кыргызско-великодержавия (VI – середина X в.) и домонгольский период истории (середина X в. – начало XIII в.) [27, с. 7-34]. Бронзовые и полиметаллические зеркала в эпоху средневековья относились к важным атрибутам из числа женских аксессуаров.

По мнению Б.А. Литвинского, смысл положения поломанного зеркала в могилу кочевников Центральной и Средней Азии заключался в том, что по оставшейся у живого родственника или супруга части зеркала он мог впоследствии найти в загробном мире близкого человека [26, с. 108]. Близкий по смыслу обычай разламывать свадебное зеркало при расставании супругов и бережное

хранение его фрагментов как залога верности супругов было широко распространено в средневековом Китае [3; 29, с. 149; 30, с. 171]. Хотя сам обычай помещения зеркала в могилу широко применяется в погребальном обряде в Китае, начиная с ханьского времени, и это было связано с представлением о том, что зеркало освещает могилу [44, р. 313]. В языческом миропонимании медное зеркало символизировало небесный свод, солнце, огонь и ему приписывалась способность отгонять духов (2, с. 10; 22, с. 132-145; 38, с. 148; и др.). Последнее было присуще и средневековому населению Кузнецкой котловины. Поэтому расположение фрагмента зеркала под днищем сковороды (жаровни –А.И.), прикрытое материей, чтобы не было

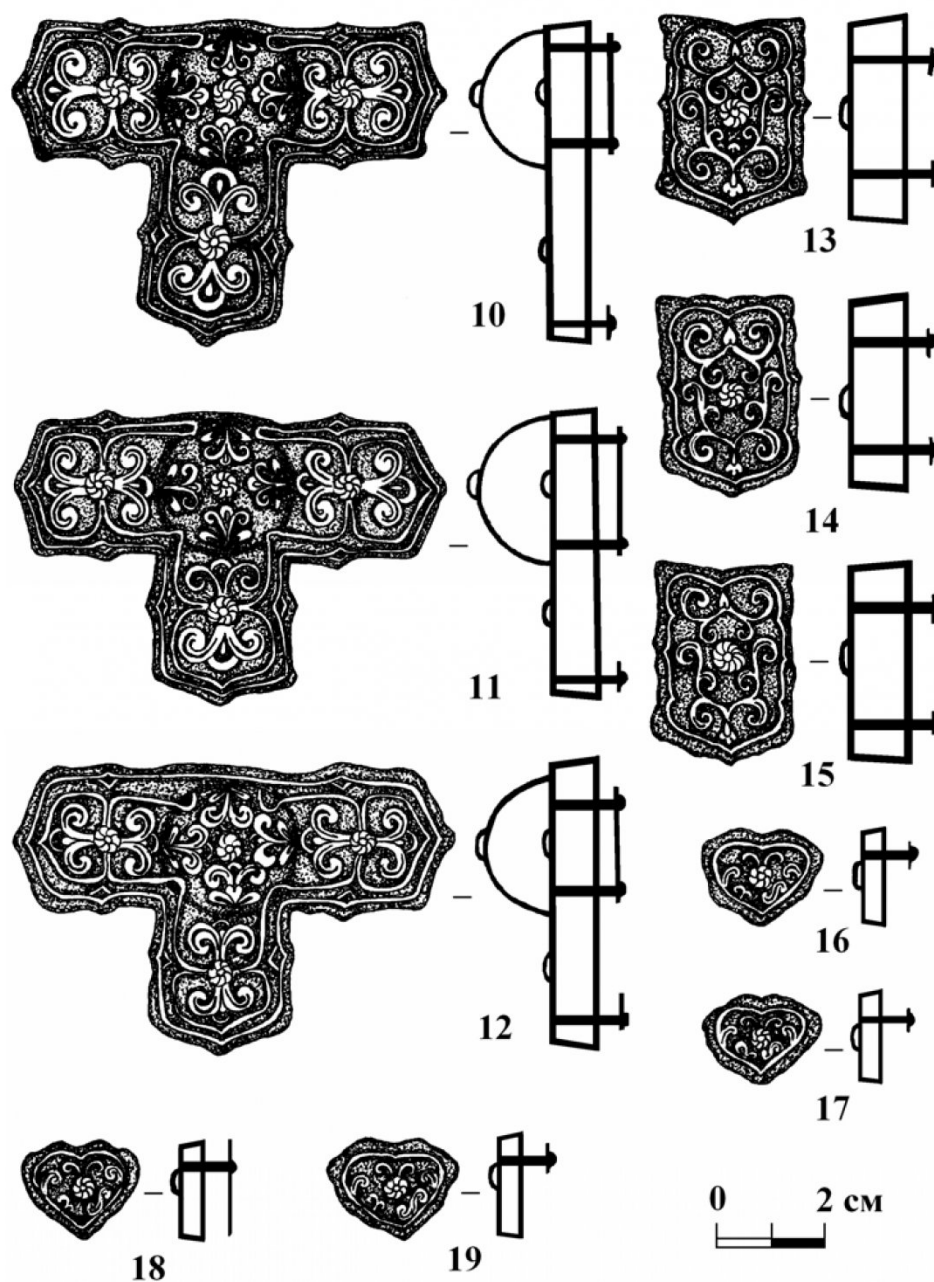

Рис. 7. Курганная группа Мусохраново-1. Курган №3.
Находки: 10-19 – бляхи; 10-19 – бронза

контакта с миром мертвых и плохих последствий для устроителей захоронения, зеркало, вероятно, должно было охранять погребенного от злых сил и быть источником огня в подземном мире.

Железные сложносоставные удила, обнаруженные в зубах черепа лошади, состоят из двух соединенных звеньев, имеющих два неподвижных кольца-отверстия, расположенные в одной плоскости на внешних концах звеньев (рис. 3; 5, 3). Во внутренние кольца вставлены S-образные стержневые псалии, которые крепились на этом месте при помощи скоб, а во внешние отверстия вставлены маленькие кольцевые псалии. В такой комбинации удила и псалии на территории Кузнецкой котловины встречены впервые, хотя отдельные составляющие этой конструкции для управления лошастью известны в этом регионе с конца I тыс. н.э. до XIII-XIV вв. [7, с. 46-61; 10, с. 26, рис. 37, 7; 12, рис. 25, 3; 17; 19, рис. 7, 6; 38, с. 162-167; и др.].

Особый интерес представляют две бронзовые пряжки и четырнадцать различных по форме бляшек (шестиугольные, пятиугольные, сердцевидные и тройники), которые украшали узду (рис. 3;

6, 4-9; 7, 10-19). Все эти изделия отлиты из бронзы и подвергнуты золочению, а также украшены стилизованным растительным орнаментом. Подобные формы бляшек и близкая по мотиву орнаментация на них были широко распространены на территории Центральной Азии в конце I – начале II тыс., но аналогии найденным изделиям неизвестны.

Отсутствие близких аналогий предметам материальной культуры не дает возможности узко датировать исследуемый комплекс. Лишь по датировке материалов из раскопок курганов №1 и №2 и аналогиям элементам погребального обряда позволяют предварительно датировать раскопанный в 2008 году курган №3 в пределах XIII-XIV вв., тем самым, увеличив дату всего памятника еще на одно столетие. Эти материалы можно включать в круг древностей АЭК, погребенных по обряду трупобожжения на месте захоронения с тушей или шкурой коня XIII-XIV вв. [17, с. 105-108], и отождествлять с кругом древностей шандинской археологической культуры тюркоязычного населения Кузнецкой котловины в период развитого средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулганеев М.Т., Казаков А.А.* Кулайская культура (I-IV вв. н.э.) на территории лесостепного Алтая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. I. Поселения и жилища. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С. 303-306.
2. *Афанасьева А.Н.* Живая вода и вещее слово. – М., 1988. – 368 с.
3. *Барينو Е.Б.* Китайский импорт и пути его проникновения в центральную Азию в период средневековья. - <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/44480>
4. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.
5. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск, 1993. – 257 с.
6. *Елькин М.Г.* Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1967. – С. 89-95.
7. *Илюшин А.М.* Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М.Г. Елькина в 1965 году) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. - Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 46-61.
8. *Илюшин А.М.* Отчёт о полевых археологических исследованиях 1991 года в Кемеровской области. – Кемерово, 1991.
9. *Илюшин А.М.* Отчёт о результатах археологических исследований на территории Беловского, Гурьевского и Ленинск-Кузнецкого районов Кемеровской области в 1992 году. – Кемерово, 1992.
10. *Илюшин А.М.* Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 116 с.
11. *Илюшин А.М.* Отчёт о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. – Кемерово, 1996.
12. *Илюшин А.М.* Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 119 с.
13. *Илюшин А.М.* Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.
14. *Илюшин А.М.* К вопросу о населении Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам палеоантропологии и археологии) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – С.5-9.
15. *Илюшин А.М.* Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2001 году. - Кемерово, 2002.
16. *Илюшин А.М.* Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 54-78.

17. *Илюшин А.М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.
18. *Илюшин А.М.* Отчёт об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году. – Кемерово, 2008.
19. *Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г.* Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 206 с.
20. *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А.* Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. – Кемерово, 1995.
21. *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.* Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ. – С. 79-106.
22. *Ионова Ю.В.* Шаманство в Корее // Символика культов и ритуалов Зарубежной Азии. – М.: Изд-во Восточная литература, 1980. – С. 132-145.
23. *Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с.
24. *Кулемзин А.М., Бородин Ю.М.* Археологические памятники Кемеровской области. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989. – 158 с.
25. *Кулемзин В.М.* Шорцы // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С. 341-345.
26. *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могил Западной Ферганы. – М.: Изд-во Восточная литература, 1978. – 253 с.
27. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М.: Наука, 1975. – 239 с.
28. *Лукина Н.В., Бардина П.Е.* Постройки // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. II. Поселения и жилища. – Томск: изд-во ТГУ, 1994. – С. 32-90.
29. *Маракуев А.В.* Фрагмент китайского бронзового зеркала в археологическом музее Томского университета. // Ученые записки Томского государственного пединститута, т. III (серия гуманитарных наук). – Томск, 1946. – С. 147-151.
30. *Маракуев А.В.* Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка. – Томск: Изд-во ТГУ, 1948. – С.167-174.
31. *Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979. – 256 с.
32. *Мартынов А.И.* Тагарская культура // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С. 184-214.
33. Ригведа: Избранные гимны / Пер. с санскрита. – М., 1972. – 418 с.
34. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. – Л., 1953. – 436 с.
35. *Соколова З.П.* К истории жилища обских угров // СЭ. 1957. №2. – С. 88-105.
36. *Соколова З.П.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ИПА «ТриЛ», 1998. – 228 с.
37. *Сулейменов М.Г.* Отчёт о результатах разведки археологических памятников в бассейне р. Касьма Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1988 году. – Кемерово, 1988.
38. *Сулейменов М.Г., Илюшин А.М.* Конское снаряжение в раннем и развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – С. 162-167.
39. *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. – М., 1993. – 325 с.
40. *Ширин Ю.В.* Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 65-76.
41. *Ширин Ю.В.* Многослойное поселение Казанково V // Кузнецкая старина. Вып. 4. - Новокузнецк: Изд-во Кузнецкая крепость, 1999. – С. 25-44.
42. *Эрднеев У.Э.* Типы древних поселений и жилищ в верховьях р. Томи // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. – Томск: Томское книжное изд-во, 1959. – С. 13-14.
43. *Эрднеев У.Э.* Городище Маяк. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1960. – 68 с.
44. *Lauffer B.* Chinese pottery of the Han dynasty. – Leiden, 1909. – 380 p.

□ Автор статьи :

Илюшин
Андрей Михайлович
– докт. истор. наук, проф. каф. отечественной истории, теории и истории культуры КузГТУ
Тед. 8-3842-58-45-83